Примечания

1 См., например: *Шайкевич А. Я.* Источники лексической омонимии в германских языках. — НДВШ, ФН, 1961, 2, 60—70. Отсутствие места не позволяет здесь и далее приводить сколько-нибудь полные библиографические справки.

2 Англ. «homonymics», см.: *Ullmann S.* The principles of semantics. Glasgow, 1951, 125.

3 См. подробно: *Havlová E.* Zum Problem der Homonyme in der etymologischen Forschung. — ZfSl, 24, 1, 1979, 51—54. Эту интересную работу можно упрекнуть в не слишком удачном выборе конкретного источника, на котором устанавливаются приблизительные количественные отношения разных типов омонимов (*Иванова*, Подмоск.), из-за отсутствия каких-либо гарантий подобия общей картины омонимии, как она представлена в указанном источнике, и в праславянском. Представляется, что в соответствующих целях лучше было бы обратиться, например, к словарю Мейера-Любке (*Meyer-Lübke*).

4 Ср.: «homonymes étymologiques» и «homonymes sémantiques» у Ш. Балли (*Bally Ch.* Traité de stylistique française[3]. P., 1951, 44). Свидетельства реальности и большой мощности фактора семантической эволюции (resp. «семантической» омонимии) дает также огромная литература об изменениях значений, их классификации и т. п. Эта литература, однако, как правило, не дает подтверждений правильности того или иного конкретного изменения значения, принимаемого этимологами (см. ниже о семантической типологии).

5 Обсуждение этого вопроса (в связи с германской и индоевропейской этимологией) см.: *Макаев Э. А.* Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1971, 40—41.

6 Ср.: *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений.— ВЯ, 1980, № 3, 5.

7 Ср. один из известных принципов этимологических исследований О. Семереньи: «. . .проверить каждый этимон с точки зрения фонологии. . .» (*Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, № 4 , 4).

8 См.: *Аникин А. Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Автореф. дис. . . .канд. филол. наук. М., 1984, 21—22.

9 *Абаев В. И.* О подаче омонимов в словаре. — ВЯ, 1957, № 3, 31—43; Лексикографический сборник, IV, 1960, 71—73.

10 В некоторых случаях такого рода представляется возможным более активное использование средств семантической реконструкции, ср., например: *Аникин А. Е.* Заметки по семантической реконструкции.— В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984, 3—4. Ср. еще показательный случай: объяснение значения 'опираться' у осет. *æncajyn* 'переставать', 'останавливаться', 'затихать' за счет контаминации «с глаголом *sray-* 'опираться'» (*Абаев I*, 151). Но ср. хотя бы рус. *покой* : *покоиться на чем-либо* (= *опираться на что-либо*).

11 См.: *Трубачев О. Н.* Приемы семантической реконструкции. — В кн.: Международный симпозиум. . . , 47—51. Из работ других ученых (если иметь в виду работы, затрагивающие теоретические аспекты проблемы) следует указать, в частности, некоторые работы Б. Егерса и Э. Бенвениста.

12 Ср.: *Аникин А. Е.* Опыт. ., 24. Ср. здесь также тезис, согласно которому идентичные или сходные значения сближаемых слов из разных языков могут сформироваться у них разными путями и независимо друг от друга. Последнее не означает обязательно неверность того или иного сближения, но требует корректив в реконструкции значения. Ср., например, соответствие лит. *tìrpti* 'цепенеть, терпнуть': праслав. **tьrpnǫti*, **tьrpěti* то же (возводится к и.-е. **(s)terp-* то же). Лит. *tìrpti* (лтш. *tìrpt*) 'цепенеть' может быть объяснено из лит. *tìrpti*, лтш. *tìrpt* 'таять, растекаться' (ср. рус. *нога затекла*), а эти последние — из и.-е. **terp-* 'тереть', ср. н.-лат. **reterere* 'оттирать' > исп. *derretirse*, порт. *derreter* 'таять'. В свою очередь, значение слав. **tьrpěti*, **tьrpnǫti* также могло сформироваться на основе исходного **terp-* 'тереть'.

13 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. *l—ž*. М., 1976, 17.

14 *Курилов Г. Н.* Сложные имена существительные в юкагирском языке. Л., 1977, 106.

15 *Инэнликэй П. И., Молл Т. А.* Чукотско-русский словарь. Л., 1957, 91.

16 См. подробнее: *Аникин А. Е.* Об и.-е. **pl̥g'hē-*. — В кн.: Этимология 1981. М., 1983, 140.

17 См.: *Клычков Г. С.* Об основных приемах лингвистической реконструкции.— ВЯ, 1971, 6, 37—40. Упомянутые примеры «архетипов» заимствованы из работы: *Флусова Г. К.* К вопросу о двусторонних вариациях одного индоевропейского архетипа. — В кн.: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза: Вопросы романо-германской филологии. М., 1972, 135—136 (невероятные сравнения).

18 *Benveniste E.* Hittite et Indo-Européen. Études comparatives. P., 1962, 119—120.

19 Ср.: *Булатова Р. В., Дыбо В. А., Зализняк А. А.* Теоретические основы праславянского акцентологического словаря. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, 52.

20 Мы имеем в виду идеи и результаты, изложенные в работах: *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963; *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в славянском. М., 1981. См. также: *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Парадигматические классы индоевропейского глагола. — В кн.: Балтославянские исследования. 1981. М., 1982.

21 См.: *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Указ. соч., 332, 354.

22 Ср.: *Georgiev V.* Die Kontamination als Prinzip der etymologischen Forschung.— ZfSl, 24, 1, 1979, 34—36.

23 *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., 102, 104; *Дыбо В. А.* Указ. соч., 20.

Ж. Ж. Варбот

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА НА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ

История славянской этимологии и даже период ее подъема в послевоенные десятилетия свидетельствуют о том, что наиболее слабым, уязвимым звеном в этимологическом исследовании является семантический анализ. Единственным средством проверки и подкрепления логических построений при реконструкции изменений значения слова остаются семантические параллели. Однако методика их применения в сущности не разработана: не определены критерии допустимости различий семантических параллелей по языковым, хронологическим, историко-культурным характеристикам. Очевидно, впрочем, что эти критерии должны быть различными для разных типов семантических изменений, также нуждающихся в определении (прежде всего, необходима дифференциация изменений, обусловленных законами человеческого мышления, обусловленных закономерностями объективного мира и связанных с историко-культурными факторами).

Продуктивным методом использования семантических параллелей является этимологический анализ лексики одного языка или

группы родственных языков по семантическим полям: при этом предоставляются оптимальные возможности для вскрытия и использования семантических параллелей, причем наиболее доказательных, поскольку обеспечивается языковая и историко-культурная однородность материала.

Представляется, что еще одним перспективным методом использования семантических параллелей может быть реконструкция славянского этимологического гнезда на семантических основаниях путем подбора его потенциального лексического наполнения в соответствии с семантическими характеристиками образований другого этимологического гнезда, исходная лексема (корень) которого, судя по данным славянских языков, находилась в отношениях синонимии с исходной лексемой реконструируемого гнезда. При этом отношения синонимии понимаются не только как тождество значений лексем в синхронной системе языка, но и как диахроническое тождество, то есть историческая смена одной лексемы другою в определенном значении.

В этимологической практике получила признание реконструкция этимологического гнезда на фонетико-морфонологических и словообразовательных основаниях: потенциальные производные отбираются в соответствии с допустимыми фонетическими и морфонологическими вариантами корня и основы и словообразовательными моделями [1]. Тем самым гарантируется надежность формального аспекта реконструкции. Предлагаемая реконструкция этимологического гнезда на семантических основаниях может, кажется, укрепить традиционно наиболее слабую сторону этимологического исследования — реконструкцию семантических изменений.

В качестве примера реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях рассмотрим гнездо слав. **bьrati*. Его источником является и.-е. **bher(ə)-* 'нести'. В славянских языках продолжения праслав. **bьrati* обнаруживают уже в древнейших фиксациях актуальность значения 'брать' и оправдывают реконструкцию этого значения и для праславянского состояния (Słownik prasłowiański I, 485; ЭССЯ 3, 163). Славянская семантика рассматривается как инновационная по отношению к индоевропейской. Правда, на основе внешних сопоставлений на ностратическом уровне В. М. Иллич-Свитычем было предложено толкование значения 'брать' как древнейшего для и.-е. **bher(ə)-*, при вторичности развития семантики 'нести' [2]. Однако обнаружение у потенциально родственных с и.-е. **bher(ə)-* лексических гнезд семитохамитских и алтайских языков значения 'брать, хватать; (>) добывать' непосредственно свидетельствует лишь о распространенности и даже универсальности связи значений 'нести' и 'брать'. Решающим же аргументом в пользу толкования славянской семантики 'брать' как инновационной по отношению к преобладающей в индоевропейских языках семантике 'нести' является фиксация значений, непосредственно связанных с 'нести', лишь на периферии славянского этимологического гнезда **bьrati*: такие значения представлены в образованиях, унаследованных от индоевропейского состояния (типа праслав. **bermę*), в пре-

фиксальных структурах (типа рус. *перебраться*), во фразеологизмах (ср. ст.-польск. *szkodę brać* 'приносить вред' — Słownik prasłowiański I, 487).

В отдельных славянских языках и, очевидно, уже в праславянском языке основным выразителем семантики 'portare' являются глаголы гнезда **nesti*, *nesǫ*, восходящего к и.-е. **enek'-* 'достигать'. Глагол **bьrati* в его инновационном значении оказался синонимичным глаголу **ęti*, *jьmǫ*. На каком хронологическом уровне произошло изменение значения глагола **bьrati*? Судя по тому, что следы семантики 'нести' представлены в этом славянском гнезде не только образованиями индоевропейской древности, можно предполагать, что эта семантика сохранялась еще у глагола **bьrati* в течение какого-то периода истории праславянского языка. Более конкретное представление о семантике праслав. **bьrati* и ее изменении может быть лишь результатом достаточно полной реконструкции соответствующего этимологического гнезда. Перспективным методом такой реконструкции и является подбор потенциальных производных с ориентацией на семантику образований гнезда **nesti*, сменившего **bьrati* в качестве средства выражения для 'portare'. Обоснованность предлагаемого метода свидетельствуется наличием ряда очевидных семантических схождений между лексемами гнезда **bьrati*, с одной стороны, и **nesti* — с другой, ср.: **bermę* — **noša*, рус. *перебраться* — *перенестись*, *взобраться* — *вознестись*, *забрать* (забором) — *обнести* (забором), морав. *neberny* 'неурожайный (о поле)' (Bartoš, 228) — рус. *принести* (потомство), *ноская* 'плодовитая' (Даль [2] II, 538), словац. *nabrat' sa* 'забеременеть' (Kálal 351) — рус. *понести*.

Сопоставление с семантикой гнезда **nesti* подтверждает правомерность предложенных ранее толкований как лексем гнезда **bьrati* южнославянского **kolobarъ* (с.-хорв. *kolobâr*, словен. *kolobár* 'круг, оборот') [3] — ср. рус. диал. *обнос* 'один оборот перемота' (Даль [2] II, 606) и рус. сев. *боронá* 'большое количество (особенно о детях)' [4] — ср. рус. *принести* (потомство), морав. *neberny* 'неурожайный' [5].

Ниже предлагается введение в гнездо **bьrati* ряда других лексем на базе близости их семантики к семантике лексем гнезда **nesti*.

Польск. *zbroja* 'латы, броня, доспехи', диал. *zbrój*, *zbroja* 'упряжь; инструменты ремесленника' (откуда, вероятно, и рус. *сбруя*, укр. *збруя*) обычно считают генетически связанным с **briti*, **brojь* (Brückner, 648; Фасмер III, 568). Искусственность этого толкования очевидна. Если учесть, что (1) латы, доспехи, являясь средством защиты тела, могут рассматриваться как вид одежды, (2) в гнезде **nesti* представлены польск. *nosić się* 'одеваться', рус. *носить* (одежду), с.-хорв. *nȍšaj*, *nošńa* 'одежда', ср. и лит. *našystà* 'одежда', (3) в гнезде **bьrati* есть ст.-блр. *брати* 'одевать' (ср. . . . скѹри на тѣла не *беремы* — Алекс., 32) [6], рус. *убор*, диал. *сбор* 'свадебный наряд' (Приамур. словарь, 264), польск. *obierz*, *obierza* стар. 'одежда; утварь' (Варшавский словарь III, 462) и кашуб. арх. *úb'ěřńa* 'упряжь' (Sychta VI, 7), то становится достаточно вероятным предположение о формировании в гнезде **bьrati* имени **sъbьrojь* / **sъbьroja* 'сово-

купность носимых на теле средств защиты, латы; упряжь' (откуда далее 'набор инструментов ремесленника'). Введение польск. *zbrój*, *zbroja* в гнездо **bьrati* в структурном плане базируется на выделении в имени суф. *-ojь/-oja*. Соответствующая суффиксальная модель еще недостаточно изучена, но, судя по укр. *бавойка* 'гостеприимная хозяйка, задерживающая гостей' (Гринченко I, 15), образованному от *baviti*, она действовала и в именном-отглагольном словообразовании.

Для польск. диал. *obierka* 'балка, лежащая на стене постройки и поддерживающая поперечные балки' (Варшавский словарь III, 462) возможность принадлежности к гнезду **bьrati* обосновывается сопоставлением со словац. диал. *nosák* 'верхняя часть овина, где складывается сено' [7], рус. *нести* 'поддерживать собою что-л.', волж. *обносный брус* 'верхний, широкий брус по борту расшивы..., лежащий на головах кокор; на носу и на корме обносные связаны поперек огнивом, а на них стоят балясины и порыск' (Даль [2] II, 606). Этимологическое значение слова *obierka* < **ob-ber-ъka* реконструируется как 'завершающая нижнюю часть строения (=обносящая) и несущая верхнюю часть балка'.

Тот же морфонологический вариант корня — **ber-* — представлен в кашуб.-словин. *ub'ěř* 'склон горы' (Sychta VI, 7), которое в семантическом плане сопоставимо в гнезде **nesti* с рус. диал. вост. *поносная* гора, *-ное* дно реки 'пологое, отлогое, покатое, наклонное' (Даль [2] III, 285).

Более проблематична принадлежность к гнезду **bьrati* двух образований с корнем *bor-*. Первое — это рус. влад. и волог. *бо́рко* 'быстро, скоро' (Филин 3, 101). Ср. в гнезде **nesti* рус. *нестись* 'стремительно подвигаться, мчаться, бежать, лететь', сев. *поносный* 'быстрый' (У коня *поносная* рысь. — Даль [2] III, 285), польск. диал. *nieść* 'разбегаться, мчаться' (Konie *niosą*. — Варшавский словарь III, 348). Наречие *бо́рко* предполагает исходное прилагательное **borkий* (< **borъkъjь*). Для славянских прилагательных с суф. *-ъkъ* ступень корневого вокализма **o* — одна из наиболее характерных [8], причем между гласными производящего глагола и производного прилагательного возможны отношения чередования (ср. праслав. **kortъkъ* — **čersti*, **čьrtǫ*). Следовательно, для **borъkъjь* в качестве производящей глагольной основы достаточно вероятна основа настоящего времени **berǫ*. Не исключено, однако, и другое происхождение слова *бо́рко* — образование от **borti*, что, правда, представляется менее вероятным.

Другое возможное производное гнезда **bьrati* с корневой огласовкой в ступени **o* — болг. диал. страндж. *бо̀рки* нареч. 'прямо, стоя' [9], ср. также родоп. *борѝчка* нареч. 'прямо, устойчиво', *борѝчка са* глаг. 'выпрямиться и стараться сохранить равновесие' [10]. Семантическим обоснованием такого этимологического истолкования болгарской группы может быть наличие в гнезде **nesti* образований типа с.-хорв. *izndsit* 'высокий, поднятый' (RJA IV, 270), рус. *вознестись*. Ср. в гнезде и.-е. **bher(ə)-* 'нести': др.-в.-нем. *bor* 'верхнее помещение, высота', *in bor(e)* 'наверху', нем. *empor*' вверх' (Pokorny

I, 131), и в гнезде слав. **bьrati* — словац. диал. *bral' sa* 'вставать, подниматься' (*Ber sa už hor*) [11].

Рус. *братина* 'большой металлический или деревянный сосуд для напитков, из которого пьют, передавая его друг другу; сосуд, в котором разносят напитки' (с вариантами значения и формы типа влад. 'большая общая чашка или блюдо, из которого едят', спб. 'большой ковш для разливания пищи' — Филин 3, 158; волог. *братчина*, *братына́*, арханг., волог., *братынь* — Филин 3, 163, 164) толкуется как производное от **bьrati* 'нести' — **bьratina*, если учесть рус. *обнести* кого чем 'обойдя всех, угостить, принести что-нибудь всем', а также в гнезде и.-е. **bher(ə)-*: лат. *praefericulum* 'широкий сосуд для жертвоприношений', греч. ἀμφ[ιφ]ορεύς 'сосуд с двумя ручками', πίνειν σκύφον περιφερόμενον 'пить из круговой чаши' (Arst.). Структурная совместимость рус. *братина* с гнездом **bьrati* подтверждается отглагольными именами этого гнезда с суф. *-t-*: укр. *бра́тка* 'взятка (в карточной игре)', *братки́* 'шишки для углей' (Гринченко I, 95), польск. *przebieratka* 'дудка из рога' (Варшавский словарь V, 22).

Наконец, на базе архаического значения слав. **bьrati* 'нести' можно объяснить и происхождение второй части рус. *тары-бары* 'праздные разговоры, болтовня'. Общепринятому истолкованию этого слова как звукоподражания или производного от глагола с первичным значением 'говорить' (Фасмер IV, 20) [12] противоречит специфическая семантика слова в говорах Забайкалья — *тараба́ра* 'негодная, изношенная вещь, которая больше не пригодится в хозяйстве; лохмотья' (Элиасов, 408). О реальности слова со значением 'болтовня' для гнезда **bьrati* достаточно надежно свидетельствуют однокоренные славянские и индоевропейские лексемы с семантикой говорения, ср.: рус. яросл. *набира́ть* 'говорить лишнее' (Филин 19, 116), словац. диал. *nabrat'* 'уговорить' [13], польск. диал. *bery* 'болтовня' (Варшавский словарь I, 117), болг. диал. *сбо̀рба* 'разговор, слово', *сбо̀рок* 'слово', *сборѝвам* 'говорить', *усбо̀ря се* 'договориться' (БЕР I, 43), лат. *ferō* 'доносить; говорить, разносить', греч. φέρω 'разглашать, рассказывать'. Наибольший интерес представляет реконструкция семантического развития анализируемого имени. Осуществить ее помогает семантика слав. **nesti* и забайкал. *тарабара*. Глаголы гнезда **nesti* развивают значение 'говорить, болтать': рус. *произносить*, *нести вздор*, *чепуху*, польск. стар. *przynieść* 'рассказать, сказать' (Варшавский словарь V, 331); ср. также родственные лит. *našìnti* 'объявлять, распространять (слухи)', *noščioti* 'рассказывать, распространять (слухи)' (к *nèšti* 'нести' — Fraenkel, 486). Эти материалы в сочетании с данными гнезда и.-е. **bher(ə)-* (см. выше лат. *ferō*, греч. φέρω, а также лит. daugỹbę žõdžių *beřti* 'говорить многословно' — Niedermann — Senn — Brender — Salys I, 80; лтш. valuodu *bãrstît* 'болтать', *bẽrt* 'говорить' — Mühlenbachs — Endzelins I, 275, IV, 291) обнаруживают развитие значения 'нести (вести), разносить (слухи)' → 'рассказывать, говорить'. Забайкал. *тараба́ра* 'лохмотья' заставляет думать, что это лишь заключительный этап семантического развития, истоки же его следует искать

в сфере вещественного, поскольку значение 'болтовня' базируется здесь на первичном 'негодная, вещь, лохмотья' (ср. также рус. *лабуда* смол. 'рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье' и иван., смол., ульян., пенз. 'пустой разговор, чушь, чепуха' — Филин 16, 217). Словен. *izbírati* (lečo, grah) 'перебирать и очищать', *beráči* 'отходы от разминания и чесания льна', *obíranje* 'переборка, очистка; клевета' (Pleteršnik I, 301, 20, 728) в соединении с лит. *beřti* 'сыпать' позволяют предположить, что исходная семантика *-бара* определялась условиями какого-то производственного процесса, так что *тары-бары* первоначально обозначало его отходы. Славянская лексика свидетельствует о возможности развития значения 'болтать' у лексем, обозначающих различные производственные процессы, например: рус. диал. *бороновать* 'бороновать; говорить вздор' (Филин 3, 117), *сучи́ть* 'судачить; болтать' (Элиасов, 528), *чередить* 'ощипывать перья, пух, теребить; болтать попусту' (Новосиб. словарь, 583), чеш. *přástvy* 'домашний способ обработки льна и конопли; посиделки; разговор' (PSJČ IV, 2, 22), словац. диал. *trepat'i* 'мять коноплю; болтать'[14]. Уточнить характер процесса, обусловившего появление слова *тары-бары*, можно путем сопоставления семантических данных гнезда **bьrati* (см. выше словен. *beráči* и т. п.) и потенциальной семантики первой части — *тара-*. И для этой части объяснение из звукоподражания или глагола говорения слишком поверхностно: семантика глаголов типа рус. диал. *тори́ть* 'повторять одно и то же' (Элиасов 414), чеш. *tárati* 'болтать; бесцельно бродить' (Kott IV, 28) показывает вторичность значения 'говорить'[15]. При учете показаний лексем гнезда **bьrati* относительно семантики 'отходы (производства)' логично обратиться в поисках источника для *тара-* к гнезду слав. **terti*. Действительно, в славянских языках лексика этого гнезда широко употребляется для обозначения ряда производственных процессов: обработки льна и конопли, растирания мака, пиления дерева, молотьбы. Особенно существенны образования от корня **ter-*, обозначающие отходы: полесск. *три́на* 'треста; костра' (Лексика Полесья, 273), смол. *отри́на* 'ржаная мякина' (Опыт, 147), *атбря* 'мелкая, перебитая солома, которую собирают. . . по обмолоте снопов' (Там же, 3), с.-хорв. *târ* 'во время молотьбы мелкая, перебитая солома, мякина, полова'. На основании приведенных материалов можно реконструировать для *тара-* (как производного от **terti* — **toriti*) первичное значение **'ободранное, обмолоченное', для *-бара* (как производного от **bьrati*[16]) — **'отнесенное, отброшенное', для *тары-бары* — **'отходы производства'.

Предложенная этимологизация ряда славянских лексем (польск. *zbrój*, *zbroja*, *obierka*, кашуб.-словин. *ub'ěř*, болг. *бо́рки*, рус. *бо́рко*, *братина*, *тары-бары*) как производных гнезда **bьrati* в его первичном значении 'нести' на базе сопоставления с семантикой гнезда **nesti* нуждается в проверке с точки зрения производящих возможностей более поздней семантики **bьrati*. Не отменяя самого итога — установления родства с **bьrati*, эта проверка может в некоторых случаях поставить под сомнение древность производного. Так, например, судя по словац. диал. *xvátat'i* 'быстро убегать'[17], значение быстрого

движения могло бы появиться на базе 'брать, хватать' и в гнезде **bьrati* и тогда рус. *бо́рко* 'быстро' было бы не обязательно связывать с древнейшей семантикой этого гнезда. Но в таком случае значение движения сохранилось бы, вероятно, в продолженнях **bьrati* в русском языке. Кроме того, праславянская древность рус. *борко* (в случае его родства с **bьrati*) гарантируется его корневым вокализмом **o*.

Реконструкция состава этимологического гнезда **bьrati* путем сопоставления потенциальных производных с семантикой лексем гнезда **nesti* расширяет представление о развитии семантики **bьrati* и о древнейшей части лексического состава этого гнезда. Тем самым одновременно ряд лексем гнезда **bьrati* характеризуется как древнейшие выразители значений поля 'нести', хронологически предшествующие потенциальным синонимам гнезда **nesti* (ср. **bertę* — **noša*). Таким образом, на материале синонимичных гнезд может быть прежде всего проведен сопоставительно-хронологический анализ, осуществление которого для самых различных слоев и групп праславянской лексики представляется одной из ближайших задач праславянской лексикологии.

Примечания

1 Яркими примерами исследований этого типа являются работы А. С. Мельничука, см.: *Мельничук А. С.* Корень **keв-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. В кн.: Этимология. 1966. М., 1968; *Он же.* Этимологическое гнездо с корнем **gei-* в славянских и других индоевропейских языках. Доклад на VIII Международном съезде славистов. Киев, 1978.

2 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. (*b—K*). М., 1971, 176.

3 *Варбот Ж. Ж.* К соотношению славянской этимологии и праславянской морфонологии (в истолковании сложных имен). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, 117.

4 *Филин* 3, 115; Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1982, вып. 2, 84. Толкование см.: *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 169—171.

5 В. М. Иллич-Свитыч считал семантику 'ребенок' генетически чужеродной для гнезда и.-е. **bher(ə)-* 'нести', но допускал контаминацию и.-е. **bher-* 'ребенок' и **bher(ə)-* 'нести' (по Илличу-Свитычу — 'брать' → 'нести'), учитывая семантическое развитие 'носить' → 'рождать' — *Иллич-Свитыч.* Указ. соч., 195.

6 Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983, вып. 2, 202.

7 *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972 (ротапринт), 342.

8 *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. P., 1905, II, 327.

9 *Горов Г.* Странджанският говор. — БД I, 1962, 68.

10 *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД V, 1970, 157.

11 *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. [Martin, 1982], 37.

12 Ср. реконструкцию праславянской глагольной основы **bar-* 'говорить': *Мельничук А. С.* Об одном из важных видов этимологических исследований. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, 60.

13 *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník, 37.

14 *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin, 1975, 207.

15 Вторичность значения 'говорить' можно предполагать не только для славянских глаголов с корнем **ter-* / **tor-*, но также и для их потенциальных со-

ответствий в индоевропейских языках типа лит. *tarti* 'выговорить' и греч. τορέω 'отчетливо объявлять' — ср. греч. τορέω 'вырезывать'.

[16] В настоящей работе я не имею возможности останавливаться на вопросе о структурных (морфонологических) отношениях *-бара* и **bьrati*. О праславянском чередовании ступень редукции: ступень ō см.: *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология. . ., 21—29.

[17] *Matejčík J.* Lexika Novohradu, 188.

Л. А. Гиндин

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ В СЛОВАРЕ ГЕСИХИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ

По ряду известных причин лексикон Гесихия содержит множество испорченных мест и, соответственно, исправлений, просмотр которых на материале значительного числа македонских глосс показал, что в большинстве случаев правильность предлагаемой конъектуры может подтвердить только этимологическая практика в совокупности с текстологическим анализом. Ниже высказанное положение иллюстрируется двумя примерами: из них первый подтверждает правильность избранной конъектуры, другой, напротив, признает исправление излишним.

1. ἀργίπους·ἀετός. Μακεδόνες (Hes.); Latte 44: ἀργίοπους. Поразительное формальное и содержательное тождество 1 части ἀργί-πους с вед. *rji-pyá* 'sich streckend (im Laufe oder Fluge), eilend' — эпитет орла или сокола (*śyená-*)[1], авест. *ərəzi-fya* 'сокол' или 'орел' (ср. ἄρξιφος·ἀετὸς παρὰ Πέρσαις — Hes.), арм. *arcui* (<**arci-wi*) 'орел' (Frisk I, 132, 33; Chantraine I, 104, 31; Mayrhofer I, 120)[2], затем цельнолексемное, включая и второй компонент, соответствие: греч. αἰγυ-πιός (с Гомера), вероятно, из *ἀργυ-πιός под воздействием αἴξ 'коза' и γυψ 'коршун' (Frisk I, 33, ср. Chantraine I, 31) и соображение, что к орлу не применимо определение *быстроногий*, побудило О. Гофмана[3] из нескольких возможных исправлений правомерно настаивать на форме *ἄργι-πο-ς, по народной этимологии превращенной переписчиком в греч. ἀργί-πους в контекстах типа гом. ἀργίποδας κύνας «быстроногих собак» Ω 211[4]; к трансформации второго компонента ср. πόλυ-πο-ς обычно употребляемое в форме πουλύπους, -ποδος (ε 432), πολύ-πους, -ποδος (Arist.) (Frisk II, 634)[5]. В силу приведенных тождеств и, видимо, семантически менее приемлемо толкование в качестве квазимакедонской глоссы ἀργίπους как 'белоногий (орел)' из-за «оперенья вокруг ног»[6]. Включение данной глоссы в дошедшей фиксации в число «древнемакедоно-гомеровских изоглосс» В. П. Нерознаком[7] ошибочно, поскольку в неисправленном виде глоссовое ἀργίπους — обычное древнегреческое слово, как и утверждает Каллерис в соответствии с своей этимологией и общей тенденцией видеть в македонских глоссах исконно греческие лексемы[8]. Вместе с тем мак. *ἀργίπος 'орел', этимологически 'быстрый' предстает пережитком того периода, когда протогреки с еще неотделившимися протомакедонцами входили, наряду с индоиранцами и армянами, в единый ареал[9].

2. ἀβροῦτες·ὀφρῦς. Μακεδόνες (Hes.); Schmidt, IV, 352: по Cyrill. ἄβροτες·ὀφρύες без этнической атрибуции. По поводу необходимости исправления македонской глоссы на *αβροῦϝες мнения разделились надвое. Главный сторонник этой конъектуры Гофман[10] ввиду параллелизма макед. ἀβροῦϝες с греч. ὀφρύες (< ὀφρύϝες) 'брови', др.-инд. *bhrūváḥ*, лит. *bruvìs* то же, ц.-слав. ОБРЪВИ = ст.-слав. БРЪВИ, объяснил опиской переписчика наличие *Т* в исходе основы на месте *F* после глайда u-дифтонга. Однако имеются весомые аргументы против необходимости правки: существование дублетной формы ἄβροτες, засвидетельствованность дентальных расширителей в продолжениях данного и.-е. корня, ср. авест. *br(u)vat-*, ср.-прл. *brūad-* ген. дв. (Mayrhofer II, 535; Chantraine III, 843; Frisk II, 535)[11]. Аутентичность письменной фиксации глоссы Гесихия может быть поддержана др.-рус. локализмом *бруди* мн. 'волосы на лице, растущие от виска к щеке', ср.: «. . .власы имѣя златы, и бруди, и браду» (Александрия 134, XV в. ∽ XII в.) и пр., приведенном в СлРЯ XI—XVII вв., 1, 339, ср. Срезневский I, 182 (под вопросом = *брѫди* (?), с эквивалентом χαίτη '(длинные) волосы'). Даль[2] I, 131: стар. (XII в.) 'бакенбарды'. Слово без этимологии, хотя имеется в Miklosich 22: 'bart'. Впервые предложил связать с макед. ἀβροῦτες В. Цымбурский[12]. При справедливости отождествления, др.-русск. *бруди* может быть возведено к р.-праслав. **brou-di* дв. ч. (?), т. к. македонская глосса, видимо, сохраняет и.-е. дифтонгическую ступень *o*[13], что подтверждается греч. ὀφρῦς, ὀφρύϝες, где *ū* — нулевая ступень и.-е. долгого дифтонга *ōu̯* или *ēu̯*[14]. Трудность различения тембра и.-е. дифтонга и вообще его реконструкция в праформах затруднена для греческого тем, что в нем с V в. до н. э. ου монофтонгизировалось и стало отражать и.-е. *ōu̯*, ср. εἰλήλουθα: ἤλυθον, λευκός: λοῦσον долгие *ū*, *ō* (ω, ψ) и т. п.[15] В связи с этим в македонском встает еще проблема греческой орфографии, где редкое *ou̯* совпало с отражениями *ū* через ου, если оно не через *o*, видимо, с выпадением *F* в качестве неслоговой части дифтонга, оказавшейся в интервокальном положении, например: ἀβλόη·σπένδε. Μακεδ(όνες) = ἀ(β)λογεῖ· σπεῖσον. Μακεδόνες (Hes.), испорченные греческие фиксации ἄβλοϝε, ср. греч. ἀπό-βλυε 'возливай'[16]. Р.-праслав. **brou̯-dь* ед. ч. отличаются от макед. ἀβροῦ-τ-ες только звонкостью дентального расширителя, подобно др.-ирл. *brūad*. Таким образом, долгое *ū* в праслав., лит., др.-инд. формах восходит к и.-е. **bhrū-s* (см. ЭССЯ 3, 63 сл.), обобщившим нулевую ступень долгого дифтонга и.-е. основы **bhrēu̯-*/**bhrōu̯-* (ср. Boisacq[2], 733 s., а также истолкование праслав. **brudъ* < и.-е. **bhreu̯-dh-*/**bhrou̯-dh-* в ЭССЯ 3, 44)[17].

Не исключено, что предлагаемая этимология др.-русск. *бруди* может связать данный локализм с этимологически недостаточно удовлетворительно объясненным рус. (диал.?) *брудастый* 'обросший